

Конфликтологические сценарии Юга России в контексте социокультурного развития региона

Виктор Авксентьев
Борис Аксюмов

Юг России по-прежнему остается одним из наиболее проблемных макро-регионов России.

Раздел в 2010 г. «большого» Южного федерального округа на два и выделение из его состава «округа концентрированных проблем» – Северо-Кавказского (СКФО) привели к тому, что территории, выступавшие локомотивами развития всего Юга – Краснодарский край и Ростовская область – остались в одном округе, а наиболее проблемные как в экономическом, так и политическом аспектах – в новом. С другой стороны, это разделение, при наличии многих негативных последствий, имело и позитивные.

Во-первых, государство послало четкий сигнал обществу, что Северный Кавказ является предметом его первоочередной заботы и государство готово предпринимать активные действия и нести необходимые издержки для стабилизации ситуации.

АВКСЕНТЬЕВ Виктор Анатольевич – доктор философских наук, директор Института социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научного центра РАН. *E-mail:* AvksentievV@rambler.ru

АКСЮМОВ Борис Владимирович – доктор философских наук, доцент кафедры социальной философии и этнологии Ставропольского государственного университета. *E-mail:* aksbor@mail.ru

Ключевые слова: Юг России, Северный Кавказ, конфликтологические сценарии, социокультурное развитие, конфликт цивилизаций, религия, ислам, традиционализм, цивилизационная идентичность.

Во-вторых, создание нового округа и наделение полпреда в СКФО особым статусом и кругом полномочий позволило активизировать экономическую и общественно-политическую жизнь региона.

Не будет преувеличением сказать, что сегодня СКФО – единственный «работающий» округ в России. Тем не менее переломить ситуацию к лучшему не удалось. Преступления террористического характера, обстрелы, нападения на представителей органов власти, убийства религиозных и общественных деятелей происходят в округе ежедневно. Все это ставит под сомнение реалистичность стратегии экономической реконструкции Северного Кавказа и целесообразность больших капиталовложений в развитие туристическо-рекреационной сферы в регионе хронической нестабильности.

«Теоретический ключ» к прогнозированию ситуации на Юге России

С 2005 г. ученые Южного научно-го центра РАН осуществляют сценарное прогнозирование в Южном макрорегионе. Были разработаны конфликтологические сценарии до конца первого десятилетия XXI в., которые частично подтвердились. Сценарии ежегодно корректировались¹ и обсуждались на встречах с представителями органов власти и других научных мероприятиях (конференции, круглые столы и т. п.). В частности, в 2009 г. нами был сделан вывод о том, что состоялся переход, по крайней мере восточной части Северного Кавказа, от умеренно-негативного (инерционного) сценария к негативному.

На основе экспертного опроса, проведенного на Юге России в 2009 г., был сделан среднесрочный конфликтологический прогноз по региону.

Эксперты прогнозировали пик эскалации напряженности в 2012 г., что обусловлено ключевым политическим событием – выборами Президента России и отсроченными следствиями электоральных процессов 2011 г. На основе факторного анализа этот прогноз был скорректирован и сделан вывод о следующем пике

конфликтности в 2014 г.: по мере приближения XXII зимних Олимпийских игр в Сочи становится все более очевидным конфликтогенный и рискогенный характер этого проекта.

Данный прогноз не означает, что после 2014 г. произойдет деэскалация региональных конфликтов и напряжений. Во второй половине второго десятилетия XXI в. будут действовать новые, прогнозируемые уже сегодня, конфликтогенные факторы. Так, через несколько лет наступит новый электоральный цикл: в 2016 г. состоятся очередные выборы в Государственную думу Российской Федерации, а в 2018 г. – Президента России. На эти выборы будет перенесено решение многих проблем модернизации политической системы страны, необходимость которой со всей очевидностью показал электоральный цикл 2011–2012 гг.

Электоральный процесс не единственный конфликтогенный фактор, который может быть спрогнозирован на вторую половину текущего десятилетия. Кризис власти, «вытащенный на поверхность» выборами 2011–2012 гг., явился предвестни-

ком, но пока еще не частью возможного системного кризиса в России. Кризисные процессы в политической сфере протекали на фоне благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры. Цены на российские нефть и газ оставались стабильно высокими, однако колебания цен на энергоресурсы в прошлом порождали политические потрясения.

В исследованиях второй половины нулевых годов неоднократно отмечалось, что любой новый масштабный кризис может оказаться пагубным для Юга России. Так, еще в 2006 г. нами был описан *алармистский конфликтологический сценарий*. При этом было отмечено, что условия для реализации этого сценария недостаточные, а сам он в тех условиях был маловероятным. Далее было показано, что возрастание вероятности этого сценария может быть обусловлено масштабным кризисом российской государственности, экономическим коллапсом, полной утратой геополитического влияния России в Закавказье². В эпоху «тучных лет» эти прогнозы считали довольно абстрактными и гипотетическими – почти что нереальными.

Сегодня, однако, ситуация принципиально иная.

Как отмечал А.Рубцов, «в этом (2011 г. – Авт.) году стало светской нормой выступать с алармистскими предупреждениями. Экспертное сообщество гуляет на ярмарке сигналов».

Большой резонанс имел в первой половине 2011 г. доклад Института современного развития «Обретение будущего: стратегия 2012»³, в котором нарисованы мрачные перспективы российского общества в случае провала модернизационного проек-

та. Нынешние политики, несмотря на обилие модернизационной риторики, не смогли обеспечить консолидацию сторонников модернизации. Между тем реальная, а не словесная модернизация – фактически последний шанс России сохранить свое геополитическое влияние в предстоящие десятилетия.

Среди фиксированных на временной шкале прогнозов можно назвать разработки Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), согласно которым высокий уровень дефицита, угрожающий кризисом (2%, 2,1%, 2,2%), придется на 2017, 2018 и 2019 гг.⁴ Это позволяет рассматривать 2018 г. как проблемный с точки зрения стабильности российского общества: наложение двух мощных конфликтогенных факторов (президентские выборы и возможный экономический кризис) могут иметь резонансный эффект (рис. 1).

С учетом возможных в 2017, 2018 и 2019 гг. экономических кризисов имеются основания прогнозировать резонансный эффект в виде дестабилизации обстановки в 2018–2019 гг. Пока такой прогноз имеет сугубо предварительный характер и основан на одном из многих экономических прогнозов. Однако в данном случае важна тенденция: вторая половина текущего десятилетия, позиционируемого как «десятилетие стабильности», скорее всего, будет нестабильным.

Прогнозы возможных кризисов общероссийского масштаба являются ключевыми для прогнозирования ситуации на Юге. Проводимые исследования привели к выводу, что затяжной системный кризис в реги-

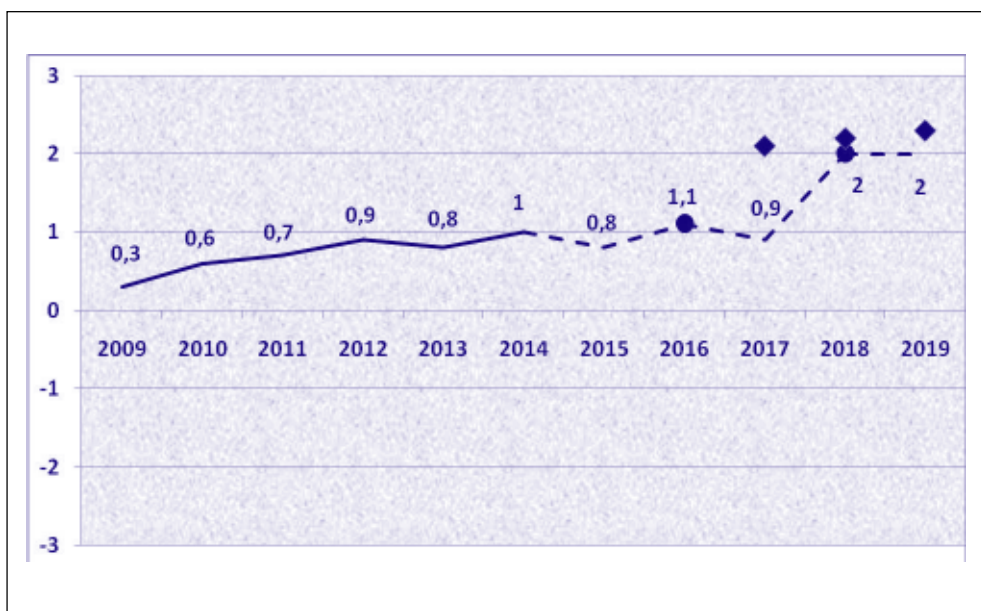

Рис. 1. Конфликтологический прогноз по Югу России с учетом предстоящих электоральных циклов и возможных экономических кризисов⁵

Примечание. Оценка проводилась по шкале, на которой «-3» – значительный уровень стабильности, «+3» – множественные открытые конфликты, «0» – «фоновая» напряженность, конфликты находятся в латентном состоянии

оне – это *специфическое региональное воплощение накапливающихся и нерешающихся проблем современной российской государственности.*

На Северном Кавказе эти проблемы накладываются на реальные и мнимые, длительно вызревавшие и искусственно созданные проблемы в межэтнических и межконфессиональных отношениях, на исторические травмы и обиды, на особую геополитическую значимость региона. Вследствие этого наложения возникает своеобразный резонансный эффект, когда большинство проблем, в той или иной степени свойственных всей России, манифе-

стируются на Северном Кавказе как этнополитические или конфессиональные.

Это не означает, что повседневная работа в Северо-Кавказском регионе по деэскалации конфликтов, этнополитических и этноконфессиональных напряжений бесперспективна или даже бессмысленна, если не будут предварительно решены проблемы на федеральном уровне. Наоборот, только каждодневная работа всех конструктивных сил в регионе может предотвратить его сползание к полномасштабной гражданской войне, развитию событий по наихудшему сценарию.

Социокультурные факторы нестабильности на Юге

Чаще всего большое число конфликтов в Северо-Кавказском регионе пытаются объяснить экономическими причинами.

Однако итоги первых двух лет деятельности СКФО показали, что социально-экономический детерминизм в данном случае не срабатывает как объяснительная модель. Следовательно, системные основания для решения северокавказских проблем определены, по крайней мере, на этапе создания округа, не вполне корректно.

Увидев неэффективность принимаемых решений, федеральная власть в лице полномочного представителя Президента России в СКФО А.Г.Хлопонина серьезно изменила установку.

На совещании с членами Совета при губернаторе Ставропольского края по вопросам межэтнических отношений (19 января 2011 г.) А.Г.Хлопонин отметил: «Я никогда не соглашусь, что ключом к решению национальных проблем является экономика»⁶.

Позднее, на встрече в Кабардино-Балкарском государственном университете (11 февраля 2011 г.) он еще раз заявил о переориентации политики, проводимой в СКФО. Так, полпред категорически опроверг версию о том, что обострение ситуации в округе вызвано высокой безработицей. «На Кавказе в этом отношении не хуже, чем в остальных регионах»⁷.

В реальной жизни все взаимосвязано, и не вызывает сомнений тот факт, что экономические проблемы и неурядицы негативно влияют на этнополитические и этноконфессиональные процессы. Однако последние достаточно автономны и требуют самостоятельного управленческого воздействия.

Экономические проблемы во многих регионах России не менее острые, чем на Северном Кавказе, однако там люди не берутся за оружие, не становятся боевиками.

Новый федеральный округ был создан не в силу остроты экономических проблем, а в силу особой концентрации социально-политических, этнополитических, этноконфессиональных рисков для российской государственности. Смысл создания нового округа – решение именно социально-политических, этнополитических, этноконфессиональных проблем.

При этом необходимо подробнее остановиться на анализе культурно-идеологических предпосылок конфликтов и напряжений на Северном Кавказе.

Для этого в качестве обобщения можно использовать такое понятие, как «кавказская культура».

Этнические культуры народов Кавказа отличаются друг от друга, однако эти различия не столь велики, чтобы нельзя было представить эти культуры в качестве единого ареала. Кавказская культура выступает на сегодняшний день как часть общероссийской культуры, но как часть малоинтегрированная и неорганическая. Причем культурная дистанция в постсоветский период нарастает.

Идеологическую и ценностно-мировоззренческую основу этой культуры составляет своеобразное сочетание традиционализма и ислама. Ислам в разных его вариациях одухотворяет современную (подчеркнем: именно современную) кавказ-

скую культуру, интегрирует ее изнутри и в то же время обособляет от других культурных систем, например, от тех, которые не фундируются на религиозной идее.

Можно согласиться с Е.М.Примаковым, что «волна исламизации – это глобальный феномен. Следует учитывать, что происходящее в течение двух столетий включение Кавказа в Российское государство осуществлялось в условиях не подъема, а спада ислама. Сейчас принципиально другая ситуация. Сейчас происходит подъем ислама, и было бы ошибкой абстрагироваться от влияния взрывного подъема мирового ислама на положение на Северном Кавказе»⁸.

В настоящее время особая ценностно-мировоззренческая парадигма, основанная на исламе, превращает-

ся в национальную идею народов Кавказа, фиксируя особый статус данного региона в рамках Российской Федерации. Кроме того, идеология единства всех мусульман, их императивная причастность к исламскому миру позволяют говорить не только о культурно-идеологическом, но и о цивилизационном обособлении мусульманского Северного Кавказа. Поэтому становятся понятными трудности интеграции региона в общероссийское социокультурное пространство.

Именно **культурно-цивилизационная неинтегрированность региона является важнейшим основанием системного кризиса на Северном Кавказе.**

Возможен ли конфликт цивилизаций в масштабе Юга России?

Северо-Кавказский регион на современном этапе мало вписывается в тренды социокультурного развития, характерные для других регионов России. Высокий уровень конфликтности указывает на глубинный характер региональных проблем. Это касается прежде всего ценностно-идеологического ряда, отношения к религии, мировоззрения, менталитета. Культурно обусловленная фундированность конфликтов и напряжений на Северном Кавказе позволяет поставить вопрос о вовлеченности региона в конфликт цивилизаций.

Как известно, основоположник концепции «конфликта цивилизаций» С. Хантингтон, фиксируя окончание холодной войны с ее идеологическим противостоянием двух суперсистем, заявил, что будущие кон-

фликты глобального и регионального уровней будут иметь культурную обусловленность, прежде всего связанную с религией. Действительно, крах биполярной системы обусловил острый конфликт между секулярной и религиозной, модернистской и традиционалистской системами мировоззрения и жизнедеятельности.

В докладе «О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе», подготовленном экспертами к заседанию Президиума Госсовета в начале 2011 г., отмечается, что «мировой тенденцией является обострение межэтнических противоречий, рост нетерпимости в странах, обладающих высоким качеством жизни, на фоне нарастания миграционных потоков, столкновение в светском обществе религиозной и секулярной парадигм, поиск в демократическом обществе правового выхода из ситуации абсолютизации прав меньшинств в ущерб правам большинства и т. д.

На рубеже XX–XXI вв. оказалось, что ряд концептов и идеологем, выработанных мировой социологией, не способны не только предупредить, но и объяснить межэтнические, этнорелигиозные и социокультурные конфликты и противоречия современного общества»⁹.

Общемировые тенденции оказывают влияние и на ситуацию в России, где с уверенностью можно зафиксировать обострение межкультурных, межконфессиональных и межцивилизационных противоречий.

В частности, тезис С. Хантингтона о культурной обусловленности конфликтных противоречий в современном мире находит свое эмпирическое подтверждение в Северо-Кавказском регионе. Главной тенденцией социокультурного становления региона в последние 20 лет стало религиозное возрождение.

Если в более модернизированных районах России религиозный ренессанс принял умеренные формы, то в

традиционалистских, особенно на Северном Кавказе, религиозное возрождение стало важнейшим фактором развития многих процессов, из которых не все можно назвать конструктивными. В отдельных случаях произошла радикализация этноконфессиональной идентичности, что способствовало обострению ситуации в регионе. Подавлявшаяся долгое время религиозность населения республик Северного Кавказа «вдруг» стала основой самоопределения и поведения как отдельных субъектов, так и целых социальных групп.

Данный тезис подтверждается, в частности, результатами социологического исследования, проведенного при участии авторов статьи осенью 2009 г. в четырех территориях-«ключачах» – Ставропольском и Краснодарском краях, Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии, входивших на тот момент в Южный федеральный округ (рис. 2).

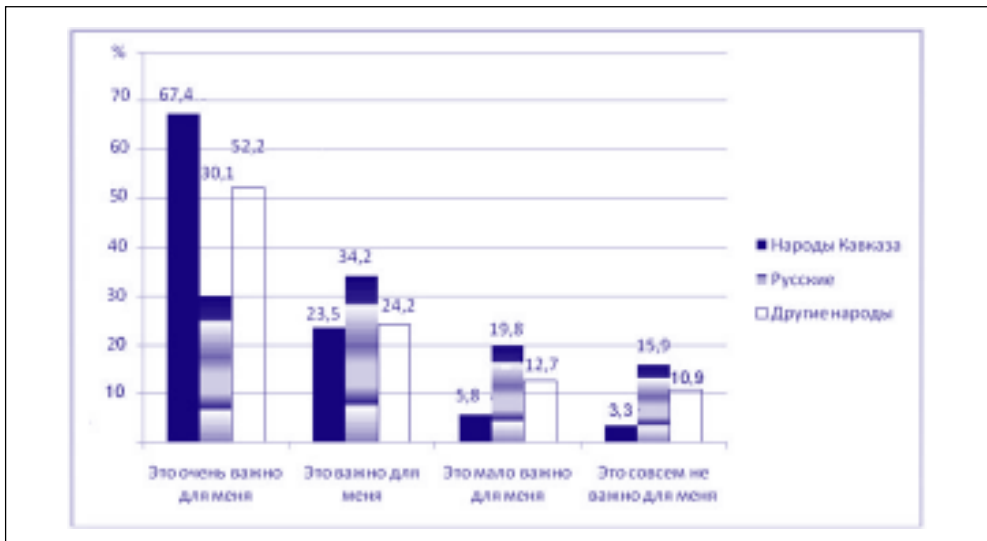

Рис. 2. Значимость конфессиональной идентичности с учетом национальной принадлежности респондента (N = 1407)

Как видно из рисунка, конфессиональная принадлежность очень важна для народов Кавказа (67,4% отметили, что это очень важно, еще 23,5% – что важно, итого 90,9%).

В то же время доля респондентов, относящихся к народам христианского культурного ареала (русские) и отметивших конфессиональную принадлежность как очень важную, составляет 30,1% и как важную – 34,2%, итого 64,3%. И хотя для русских респондентов суммарный результат превышает 50%, он значительно ниже, чем для народов мусульманской культуры (народы Кавказа).

Эти результаты свидетельствуют о противоречивых тенденциях сопротивления и поощрения клерикализации общества. Существенные различия в ответах респондентов в определенной степени можно интерпретировать как противоречие между модернизмом и традиционализмом, между секулярными и религиозными парадигмами мировоззрения¹⁰.

В данном противоречии, проходящем сквозь весь комплекс социокультурных отношений, через важнейшую сферу менталитета, достаточно четко просматриваются элементы «конфликта цивилизаций».

От политики толерантности к политике интеграции

Проводившаяся в постсоветский период социокультурная политика делала акцент на формирование в регионе **общероссийской гражданской идентичности**, и этот проект в целом можно считать успешным.

Однако гражданская идентичность – крайне важная, но относительно несложная конструкция: в ее основании лежит формальный факт гражданства. Она формирует граждан, но еще не создает народ.

Стабильно высокий уровень этнополитической напряженности на Северном Кавказе показывает недостаточность гражданской идентичности как основы национального единства, фактора преодоления межкультурных и межэтнических конфликтов в регионе. Представители различных этнокультурных ареалов по-прежнему ощущают взаимное отчуждение, а иногда и враждебность. Это ведет к разобщенности

людей, которые, являясь гражданами одного государства, не понимают, в чем заключается их единство, не видят общих социокультурных ориентиров.

Ставка на формирование гражданской идентичности сочетается сегодня с такими стратегиями гармонизации поликультурного социума, как толерантность и мультикультурализм.

Главная идея концепции толерантности состоит в признании ценности различий. На практике эта установка часто приводит к абсолютизации различий за счет снятия и игнорирования общих консолидирующих моментов, на основе которых только и возможно сформировать единую цивилизационную идентичность, а следовательно, создать единый народ. Что касается мультикультурализма, то он, признавая незыблемость принципа множественности культур и, главное, рассматривая эту множественность как

высшую ценность, уже изначально отказывается от возможности интеграции, построения из различий единства. Политика мультикультурализма, где бы она ни проводилась – в США или в Западной Европе, – всегда приводила к одному и тому же результату: приоритету различий над единством, дезинтеграции над интеграцией.

Сегодня становится очевидным, что ставка на формирование только гражданской идентичности при абсолютизации суверенитета цивилизационного самоопределения, культурной автономии себя не оправдывает. Крах политики мультикультурализма во многих европейских странах подтолкнул ведущих российских политиков к поиску новых возможностей гармонизации межэтни-

ческих, межкультурных отношений, достижения подлинного национального единства России. В частности, в статье В.В.Путина «Россия: национальный вопрос» основной акцент делается именно на цивилизационной идентичности.

По словам В.В.Путина, «такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности. Это тот культурный код, который подвергся в последние годы серьезным испытаниям, который пытались и пытаются взломать. И тем не менее он, безусловно, сохранился. Вместе с тем его надо питать, укреплять и беречь»¹¹.

В этом смысле очевидно, что современная ситуация на Северном Кавказе подсказывает только один реальный путь выхода из затянувшегося этнополитического кризиса – переход от политики толерантности и мультикультурализма к политике интеграции, которая предполагает формирование единого социально-политического и культурно-цивилизационного пространства России и Северного Кавказа.

Интеграция призвана способствовать росту значимости социокультурной (цивилизационной) идентичности, того вида идентичности, который только и способен обеспечить национальное единство Российской Федерации, снизить уровень этнополитической напряженности в Северо-Кавказском регионе.

Примечания

¹ Авксентьев В.А. Федеральные округа и опыт полпредов в решении северокавказских задач // Юг России: проблемы, прогнозы, решения: сб. науч. статей / гл. ред. акад. Г.Г.Матишов. Р. н/Д. ЮНЦ РАН, 2010. С. 67.

² Авксентьев В.А., Грищенко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: экспертное мнение / под ред. чл.-кор. РАН М.К. Горшкова. М.: Альфа-М, 2007. С. 102.

³ Обретение будущего. Стратегия-2012. «Перезапуск» демократии // Институт современного развития // URL: <http://www.insor-russia.ru/ru/news/9134>

⁴ Революция к 2017 году. ЦМАКП прогнозирует социальный кризис в России // URL: <http://www.gazeta.ru/financial/2011/02/21/3532169.shtml>

- ⁵ Авксентьев В.А., Дмитриев А.В. Этнополитическая ситуация в Северо-Кавказском федеральном округе: конфликтологический анализ // Юг России в зеркале конфликтологической экспертизы / под ред. акад. Г.Г.Матишова, Н.И. Голубевой, В.А. Авксентьева. Р. н/Д.: ЮНЦ РАН, 2011. С. 58–59.
- ⁶ Ставропольский край. Ленты пресс-служб // URL: <http://www.governors.ru/?regmode=®ion=26&okrug=&razdel=lent&statja=209205>
- ⁷ Хлопонин заявил, что готов «решать кадровые вопросы» // URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/search?context=article&pg=21®ion_id=47
- ⁸ Примаков Е.М. Необходима политическая борьба против интерпретаций ислама как идеологии воинствующего экстремизма. // URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-document/index-27176.html>
- ⁹ Заседание президиума Госсовета о мерах по укреплению межнационального согласия // URL: <http://www.kremlin.ru/news/10312>
- ¹⁰ Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Портфель идентичности молодежи Юга России в условиях цивилизационного выбора // Социологические исследования. 2010. № 12. С. 25.
- ¹¹ Путин В.В. Россия: национальный вопрос // URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17831>

**Подписка на 2012 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:**

47653 — на полугодие

36789 — на год